Z

Д. Д. [illegible]

ПРОБЛЕМА ЭТНОНИМА ОРОЧЁНЫ В ТУНГУСОВЕДЕНИИ

В дореволюционной литературе, а также административной документации в южных районах Сибири, к востоку от Байкала и Лены, применительно к коренным жителям нередко употреблялся этноним *ороч¸ны*. Он прилагался не только к эвенкам, но и к части тунгусо-маньчжурских народов нижнего Приамурья, Сахалина и Приморья - негидальцам, ульчам, орокам, удэгейцам. На сопоставлении названий *ороч¸н* (*орочон*) и *эвенки* построена известная этногенетическая концепция Г.М.Василевич. Поэтому представляется полезным исследовать вопрос об истории употребления, распространения и значения этнонима *ороч¸н*.

Русское обозначение забайкальских и приамурских эвенков этнонимом *ороч¸ны*, по-видимому, впервые встречается в документе 1735 г., связанном с поездкой в Восточную Сибирь геодезистов Петра Скобельцына и Василия Шетилова. На “ленских покатях”, где они зимовали, к ним, как они сообщают, вышли два якутских тунгуса - “орочаны оленные”. В протоколе допроса, которому русская администрация подвергла этих тунгусов, они названы “оленными тунгусами” (ЦГАДА. Ф. 199. Д. 365. Ч. 1. №1. Л. 123, 126). Вероятно, это были выходцы с Вилюя.

У исследователей первое упоминание об ороч¸нах принадлежит Я.Линденау. В его рукописном “Описании коряков” (1743 г.) ороч¸нами в одном случае названы “оленные тунгусы и ламуты”, а в другом - одни только “оленные тунгусы”. “Пеших тунгусов” Охотского побережья Линденау ороч¸нами не называл (АЯФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 151. Л. 2, 3).

Я.Линденау считал, что *ороч¸н* - маньчжурское обозначение оленных тунгусов. Он, по-видимому, основывался на тексте анонимной рукописи об Амуре (XVIII в.), автором которой был, как мы думаем, Г.Ф.Миллер. В рукописи приводятся слова католического миссионера в Китае Жербильона о том, что дючеры[1] ”называют тунгусов орочами из-за их прирученных оленей, называемых по-тунгусски орон” (ЦГАДА. Ф. 199. Д. 507. Ч. 1. №2. Л. 28 об.).

Однако, если смысловой основой этнонима *ороч¸н* служит тунг. *орон*, то такой этноним должен считаться не маньчжурским, а тунгусским. Заимствовав у тунгусов данный термин, маньчжуры пользовались им в собственной огласовке, произнося его как *ороньчо* или *ороньчон*[2].

Введенный в широкое употребление маньчжурами, этноним *ороч¸н* (*ороньчо, ороньчон*) применялся ими, однако, не всегда точно. Об этом можно судить по приводимой Н.Я.Бичуриным (Иакинфом) сводке населения Китая за 1812 г. Там находим выражение: “Тунгусы в Олунчун” (Иакинф, 1840. С. 23). Речь, без сомнения идет о северо-западных районах Маньчжурии, часть жителей которых составляли *эвенки* - *орочены* и *солоны*.

Существовало два сибирских центра возникновения и бытования этнонима *ороч¸н*. Одним из таких центров была территория левобережного Приамурья, где эвенки-оленеводы соприкасались с эвенками-скотоводами и эвенками, чьим единственным домашним животным являлась собака. Было бы естественным, если бы этноним *ороч¸н* служил там обозначением оленеводов в противовес этнонимам *мучен* - "коневод" или *ламучен* - "приморский житель" (обитатель байкальского берега). Однако до сосредоточения в Верхнем Приамурье эвенков-оленеводов - выходцев с Вилюя, составивших в начале XIX в. так называемое Кангаласское ведомство, этноним *ороч¸н* не являлся специфическим обозначением забайкальских и приамурских эвенков, занимавшихся оленеводством.

Другим центром, откуда шло распространение этнонима *ороч¸н*, была северная часть Охотского побережья, где тунгусские предки современных эвенов еще до прихода русских вошли в соприкосновение с оседлыми коряками и образовали контактную

группу "пеших тунгусов". Местные тунгусы-оленеводы, кочевавшие большую часть года в прибрежных хребтах, но выходившие летом к морю для заготовки лососевой рыбы, называли себя либо *ламунка* (намунка) - "приморские", либо *ороч¸л* - "оленеводы. Второй этноним (ед. число - ороч) служил антитезой этнониму *мэнэл* - "оседлые", прилагавшемуся к "пешим тунгусам".

На Охотском побережье этноним *ороч¸л* был зафиксирован русскими еще в перовой половине XVII в. В 1639 г. пятидесятник Иван Москвитин сообщал, что на р. Тауй "живут тунгусы товуданы, и уяганы, и выяканы, и огочолы" (ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30. Л. 79). Здесь огочолы - это ороч¸лы, или ороч¸ны.

Тот же этноним встречается в виде имени в списках охотских тунгусов XVII в. В качестве примера укажем на имя Огочон, обнаруженное нами в списке рода Муеллагир за 1694 г. Муеллагиры к приходу русских жили в районе устья р. Охота, а позднее стали мигрировать к югу.

В процессе своего продвижения на Амгунь и нижний Амур[3] охотские тунгусы (как эвенки, так и эвены) вступали в контакты с местным коренным населением - натками (нанайцами), гиляками (нивхами) и айнами и тем самым приняли активное участие в этническом формировании ряда современных тунгусо-язычных народов этого региона. Названия трех из этих народов - *ороки, орочи, ульчи* - представляют собой производное от этнонима *ороч¸н* - *орочел* (ороч). В отношении этнонима ульчи это как будто не совсем очевидно, однако надо иметь в виду, что тунг. *орон* у народов Нижнего Амура трансформировалось в *оло* или *ула* (Сравнительный словарь, 1977. С. 25; ПМА, 1976. Л. 6. Дб. 11 об.). Подтверждением сказанному служит фольклор названных народов: в нем важное место занимают предания о приходе на Амур предков-оленеводов с севера.

Возвращаясь к Верхнему Приамурью, отметим, что отнесение этнонима *ороч¸н* к определенной группе эвенков-оленеводов (к выходцам с Вилюя) произошло лишь в XVIII - XIX вв. и находилось в тесной связи с утратой оленеводства другими - более ранними - тунгусскими обитателями данного региона. Жившие там раньше эвенки *манегры* и *бирары* к тому времени превратились в конных охотников.

Около середины XIX в. исследователи левобережного Приамурья стали постоянно писать о тунгусах и ороч¸нах как о двух различных представителях тунгусского этноса. Поручик Орлов был первым, кто провел территориальное разграничение между ороч¸нами Верхнего

Приамурья и более западными тунгусами Северного Забайкалья (Орлов, 1858). В том же духе высказывался ротмистр Бартолемей (Бартолемей, 1860).

Л.И. Шренк характеризовал ороченов как тунгусов, область расселения которых простирается от верховий Амура "в систему р. Лены" (Шренк, 1883. С. 45). Несомненно, что он имел в виду кангаласцев.

Употребление этнонима *ороч¸ны* в Приамурье не могло быть достаточно четким, потому, что бок о бок с кангаласцами обитали другие оленные эвенки - например, выходцы из Алдано-Охотского региона. Л.И. Шренк писал, что "нет и речи" "о каком-либо существенном различии" между теми и другими и что "Орочоны - такие же оленные Тунгусы", как и охотские (Шренк, 1883. С. 46, 322). Западнее кангаласцев жили оленные эвенки Северного Забайкалья, которые по языку культуре тоже мало чем отличались от первых.

Между тем употребление этнонима *ороч¸ны* применительно к кангаласцам было воспринято некоторыми исследователями как признак определенной специфичности данной этнографической группы. Этнограф А.Кириллов в рукописном очерке "Инородцы Амурской области" писал, что "Ороч¸ны стоят на самой низкой степени развития, но... отличаются симпатичными нравственными чертами" - уважением к родителям, заботой о сиротах, гостеприимством. А.Кириллов усматривал в них также некоторые антропологические отличия от тунгусов: у первых рост малый, голова сплющенная, тогда как вторые, по его мнению, характеризовались средним ростом, овальной головой и другими особенностями телосложения (ЦГАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 193. Л. 15 об. 20).

Здесь уместно напомнить, что некоторые более ранние исследователи (например, ротмистр Бартолемей) особо отсталыми находили и предшественников кангаласцев на левобережье Зеи - бираров (Бартолемей, 1860. С. 44). Что касается высоких нравственных качеств кангаласцев, то в этом им ничуть не уступали забайкальские или алдано-охотские эвенки. Разумеется, какие-то антропологические и культурные особенности у кангаласцев имелись (как мы уже говорили, их предки были выходцами с Вилюля, а на Вилюе до прихода туда древних тунгусов обитало какое-то аборигенное население), однако к вопросу об употреблении этнонима *ороч¸н* это прямого отношения не имеет. Именоваться ороч¸нами могли любые эвенки-оленеводы. Кангаласцам же в данном случае поспособствовало то обстоятельство, что когда они поселились в Верхнем Приамурье, там других оленеводов не было. Поэтому, чтобы

отличить себя, например, от бираров или манегров, заменивших оленей лошадьми, они называли себя *ороч¸н* - "оленные".

Точка зрения А.Кириллова нашла отражение в официальной позиции местной русской администрации. В отчете Приамурского генерал-губернатора (около 1900 г.) ороч¸ны и тунгусы охарактеризованы раздельно. Первые аттестовались как кочевники левых притоков верхнего Амура и Зеи, переходящие также на правый берег Амура, а вторые - как обитатели левых притоков среднего Амура и “Ниманской тайги” на правобережье Буреи (ЦГАДВ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 465. Л. 498. Об - 500). Из отчета следует, что под ороч¸нами имелись в виду кангаласцы, а под тунгусами - бывшие алданоохотские эвенки.

Всероссийская перепись населения 1897 г. не внесла ясности в вопрос о том, кого нужно считать ороченами, а кого - тунгусами. В западной части Амурской области кангаласцы были записаны как ороч¸ны, а в других местностях - как тунгусы. Это касалось, в частности, членов родов Баягир (Пуяги), Булл¸т (Бельдетский), Нанагир (Никагирский) и Сологон (Патканов, 1906. С. 53 - 54).

Позднее ситуация с терминологией еще больше осложнилась, поскольку ороченами стали как будто называть себя и эвенки-оленеводы Северного Забайкалья (Воскобойников, 1961. С. 29, 64). В рукописном справочнике по районам Севера (1934 г.), хранящемся в фонде Комитета Севера при ВЦИК РСФСР, говориться, что эвенки северных районов Бурятии, занимающиеся охотой и оленеводством, - это орочены, а занимающиеся скотоводством и “по укладу и характеру хозяйства мало чем отличающиеся от баргузинких бурят”, - это тунгусы (ЦГАОР. Ф. 3977. Д. 704. Л. 283). В этом документе, как видим, выражена в общем правильная тенденция причислять к ороч¸нам только тех эвенков, которые сохраняли у себя оленеводство. Но неправильно было прилагать этноним *тунгусы* лишь к одним эвенкам-скотоводам.

Между тем тогда же, в 1920-х годах, были предприняты новые попытки теоретически обосновать раздельное существование обоих вышеназванных этнонимов в духе взглядов А.Кириллова. В записке “О проведении национального районирования туземного населения Зейско-Алданского района” (1931 г.), отмечается, что орочоны “представляют... переходную ступень к собственно тунгусам, живущим к юго-востоку по верховьям рек Селемджа, Бурея, Тунгуска и Амгунь” (ЦГАОР. Ф. 3977. Д. 125. Л. 26), т.е. к выходцам из Алдано-Охотского региона. Каких либо обоснований в защиту такой точки зрения авторы этой записки не привели.

В ином плане трактовал сосуществование этнонимов *ороч¸ны* и *тунгусы* тунгусовед Е.И.Титов. В его понимании - это принципиально различные группы - своего рода субэтносы. С ороченами Титов связывал самоназвание эвенки. *Орочоны*, или *овонки*, по его мнению, издревле кочевали на Витимском плоскогорье, тогда как тунгусы осваивали пространство, заключенное между правыми притоками Лены - Чаи Чуи, и Витима (Титов, рукопись. Л. 26). Судя по приведенным гидронимам, речь идет о Северном Забайкалье. В южной части Витимского плоскогорья в недавнем прошлом (XVII - XVIII вв.) кочевали эвенки-скотоводы. Казалось бы, именно к ним следовало относить этноним тунгусы, однако Е.И.Титов в обоих случаях говорит об эвенках-оленеводах, и поэтому непонятно, почему одних из них он называет - эвенки, а других - тунгусы. Об эвенках бывшего Кангаласского ведомства Е.И.Титов даже не упоминает.

Так же, на уровне субэтносов, но в диаметрально противоположном плане, трактовала ситуацию с этнонимом *ороч¸н* Г.М.Васильевич. Она усматривала в ороч¸нах ту ветвь древних тунгусов, которая первой овладела оленеводством и благодаря этому обособилась от других тунгусских групп. Это произошло, как она думала, в отрогах Яблонового и Станового хребтов, и в частности в местности Оро. Именно там древние тунгусы будто бы приручили оленей и стали называть себя ороч¸н - по названию вышеуказанной местности. В отличие от тунгусов-оленеводов, тунгусы, продолжавшие заниматься “пешей охотой”, “имели самоназвание эвенки, эвен”. Они первыми распространились по северной Сибири, и лишь позднее туда пришли ороч¸ны со своими оленями. Хотя те и другие говорили на одном языке и имели общих предков, встречи между ними не всегда носили мирный характер. Однако, так или иначе, эвенки заимствовали от ороченов оленеводство и тоже стали охотниками-оленеводами, хотя сохранили в своей культуре реликты былой безоленной фазы развития (Василевич, 1963. С. 72 - 73; Василевич, 1968. С. 2 - 8; Василевич, 1968. С. 21).

Каких-либо фактических доказательств вышеизложенной концепции Г.М.Василевич не представила. Говоря о местности (и реке) Оро, она ссылалась на Р.К.Маака. Однако в работе последнего о его путешествии на Амур говориться лишь то, что место, где в XVII в. находился русский Албазинский острог, “у маньчжуров известно под названием Якса, а у манягров также под названием Оро” (Маак, 1859. С. 66). Р.К.Маак приводил данный топоним безотносительно к проблеме оленеводства у тунгусов. Район Албазинского острога совершенно непригоден для существования домашних оленей ввиду

отсутствия там основного корма этих оленей - ягеля. Летом там очень жарко и много гнуса. Нет сведений о существовании там и диких оленей, менее прихотливых к неблагоприятным экологическим факторам. По имеющимся данным, основная масса диких оленей, обитающих в Читинской и Амурской областях сосредоточена в их северных горно-таежных районах (Перовский, 1975. С. 144 - 145), т.е. за много сотен километров от Амура.

Не выдерживает критики и утверждение Г.М.Василевич о том, что этноним *ороч¸н* (орочон) являлся единственным самоназванием тунгусов-оленеводов. На этот счет мы имеем высказывание старейшего эвенка И.И.Яковлева (пос. Ирокан[4] Зейского района Амурской области) - представителя бывших кангаласских тунгусов. По его словам, ороч¸нами кангаласцев называли главным образом русские. Собственным же древнейшим и основным самоназванием кангаласцев было эвенки (ПМА, 1960. №1. Л. 82).

Таким образом, этногенетическая концепция Г.М.Василевич, исходящая из противопоставления этнонимов *ороч¸н* и *эвенки*, не находит поддержки в исторических, этнографических и географических фактах.

Факты свидетельствуют о том, что этноним ороч¸н - производное от эвенкского и эвенского слова *орон* - “домашний олень” и не имеет никого отношения к району бывшего Албазинского острога. Данный этноним имел культурно-разграничительный смысл в местностях, где тунгусы-оленеводы (эвенки и эвены) соприкасались с безоленными группами своих единоплеменников. На указанное значение этнонима орочен в свое время указывал этнограф К.М.Рычков, писавший: “Енисейские тунгусы до сего времени удержали это название за пастухами оленей” (Рычков, 1917. С. 4).

[1] Дючерами русские в XVII в. называли коренное население Амура, жившее между устьями Сунгари и Уссури и даже ниже . Это были скотоводы и земледельцы. Мы считаем дючеров северной, периферийной группой чжурчжэней (“дикие чжурчжэни”).

[2] Маньчжуры называют домашнего оленя оронь-буху, где оронь - “домашний”, а буху (буха) - “зверь”. Выражение оронь-буху знаток маньчжурского языка И.Захаров переводил как “ручной зверь”, употребляемый ороньчонами” (Захаров, 1875).

[3] Южное направление миграций охотских тунгусов было основным в XVII - XIX вв.

[4] Ныне этот поселок не существует.

Бартолемей, 1860. Описание Амурского края // Военный сборник. Т. XV. СПб.

ВасилевичГ.М., 1963. Самоназвание орочон, его происхождение и распространение // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 3. Новосибирск, 1963.

Василевич Г.М., 1964. Типы оленеводства у тунгусо-язычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири). М.

Василевич Г.М., 1968. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков). Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л.

Воскобойников М.Г., 1961. Некоторые данные по этнографии эвенков Бурятии // Этнографический сборник. Вып. 2. Улан-Удэ.

Захаров И., 1875. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.

Иакинф (БичуринН.Я.), 1840. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.

Маак Р., 1859. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского географического общества в 1855 году Р.Мааком. СПб.

Орлов, 1858. Амурские орочены. Поручика Орлова // Вестник Русского географического общества. Ч. 21. СПб.

Патканов С., 1906. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников. Вып. I. СПб.

Перовский М.Д., 1975. Об изменении ареала дикого северного оленя в СССР // Дикий северный олень в СССР (Материалы первого межведомственого совещания по охране и рациональному использованию ресурсов дикого северного оленя). М.

Рычков К.М., 1917. Енисейские тунгусы // Землеведение. Кн. 1 - 2. М.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л., 1977.

Титов Е.И. Предварительный отчет о поездке к ороченам Северной Даурии в 1925/26 гг. Рукопись. ЦГАОР, ф. 3977, д.125

Шренк Л.И., 1883. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб.

ААН – Архив Академии наук
АЯФ – Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР
ПМА – Полевые материалы автора. Архив Института этнологии и антропологии РАН. Фонд Северной экспедиции.
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов.
ЦГАДВ – Центральный государственный архив Дальнего Востока.
ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции.